

Лия-Роза ВЬГОН

КОМЕТА АЛИШЕРА

Лия-Роза Соломоновна Выгон родилась в Томске. Окончила факультет иностранных языков Томского государственного университета. Работает переводчиком с английского и испанского языков. Публиковалась ранее в журнале «Начало века», в интернет-изданиях. Живёт в Томске.

Мы так долго ждали, что один из нас предаст второго, что успели об этом позабыть.

Летние каникулы — скукотипца. Я сбежала из дома на целый день, бродила по самым грязным закоулкам города и думала, что смелая. Пока не увидела его. Моментально вцепился в меня взглядом, как цыган или безумный. Я пыталась не смотреть, но тогда казалось, что в следующую секунду он нависнет надо мной, хоть нас и разделял забор. Поэтому я глядела, как мне думалось, безразлично: я зеркало, не замечай меня, вернись к своим делам...

— Заплутала?

Он закатал рукава рубашки. Один порван по шву. На локтях ссадины. Привалился к забору, как пьяный арестант. Да и «причёска» соответствующая — короткий ёжик. Субтильное телосложение, слишком резкие, угловатые движения.

— Нет. То есть да, но я просто гуляю.

— Здесь? У нас? — он запрокинул

голову и рассмеялся. Сквозь отретпетированную сиплость проскакивали тонкие нотки мальчишеского голоса.

— Где здесь? — тупо спросила я.

Он положил в рот палец, прикусил ноготь. Будто ему нет до меня дела, и это я окликнула его, а не он меня.

— Ты точно не отсюда, если не понимаешь, что это за место. Приют какого-то там индюка с именем на С. Сукинсынов или Собакодратель...

— Приют имени Сухомлинова? Я думала, он дальше. То есть вообще не в городе.

— Конечно. Академия прямо возле жилых кварталов, а нам гнить в заднице мира.

— Академия? — я застыла и наблюдала за тем, как парень говорит. Он двигал точёным, острым подбородком, будто бы жевал слова, как жвачку, и небрежно сплёвывал их.

— Тюрьма, — он вскинул левую бровь. Я чувствовала себя полнейшей идиоткой и злилась. Чего он накинулся на меня и выражается? Я что, по его мнению, не могу трёхэтажным матом?

— Она самая. Что ж, раз я, как ты выразился, в заднице мира, пора отсюда сваливать. Счастливого оставаться.

Я крутанулась и споткнулась о корягу. Ничего не видно в траве по пояс, даже забора не заметила, пока не ткнулась носом, вот уж точно паршивое местечко! Краем уха, когда тащила к компьютеру еду, а родители развалились перед теликом, я слышала пару

новостей об этом приюте: коррекционное заведение, двое парней сбежали и найдены погибшими, посетил губернатор, бла-бла...

— Счастливого вернуться к мамочке! — крикнул мне в спину пацан.

Захотелось ответить что-нибудь гадкое, дерзкое: что у меня нет семьи, что мать застрелила отца и подалась в аферистки. Но я только передёрнула плечами и побрела. В самом деле, смеркается, да и в животе урчит. Метров через двадцать обернулась: только редкие деревья, ржавый высоченный забор посреди пустоши, за ним комплекс серых, суровых зданий. И никакого мальчишки, будто он был призраком, секундным наложением миров.

Я вернулась к приюту через неделю. Раньше было никак: родители ужасно взбесились и запретили куда-либо выходить. Целых семь дней августовской жары насмарку. Но почему-то томилась я не по купанию, мороженому и весёлым городским улицам. Из головы не шёл приютский парень. Можно вообразить себе всякое, мама бы так и сделала, узнай, нараспев протянула бы: «Пришла пора, она влюбилась». Однако дело здесь было в другом. Про приют Сухомлинова ходили устрашающие истории, и вот я наткнулась на него совершенно случайно, да ещё и встретила обитателя. «Обитатель» — подходящее слово. Непосредственный, озлобленный не на кого-то или что-то, а

инстинктивно, от природы, и в то же время изображающий скуку в качестве призыва о помощи; я хотела вновь увидеть парня, изучить его.

И в первый же день свободы я отвергла призывы Витьки с Настей отправиться на озеро и пошла по памяти к приюту.

Когда я убедилась, что по поваленному дереву посреди желтеющих от жара пустошей иду правильно, появилось волнение о другом: что, если парня не будет? Что он — просиживает возле забора целыми днями, как дурачок?

— О! У нас посетители вообще-то заранее записываются. Что принесла мне?

Я вздрогнула. Хоть это и то самое место, и я всю дорогу всматривалась между прутьями забора, мальчишка возник будто из ниоткуда. За деревьями прячется, что ли.

Я заставила себя посмотреть на него. Та же рваная рубашка, тот же наглый взгляд. Но в его глазах и движениях не вызов, а любопытство. Он тоже изучает. Наверняка им тут невероятно скучно. В интернете я нашла о приюте очень мало, сплошные рассказы и никаких культурных программ.

Я развела руками.

— Ничего не принесла.

— А зачем пришла? — он притворно изумился, округлил глаза. Моё сердце ритмично бухало в груди от страха и восторга, что я обнаружила и приют, и пацана.

— Просто гулять здесь люблю.

— Врунишка. Я бы тогда тебя видел раньше.

— Ну, не прямо здесь... вообще, в окрестностях.

— Ладно.

Парень сел на землю, скрестив ноги. Я успела заметить, как он что-то кладёт за спину. Неужели нож? Вдруг он как-нибудь переберётся через забор?

— Чего вылупилась-то? Гуляй, любительница прогулок, — он наклонил голову набок и улыбался, будто подбадривая. Какие ровные и белые зубы, вот бы мне такие, а ведь я не живу в государственном приюте!

Я не знала, что говорить. Стояла и глядела куда-то ему в плечо. Бесконечный чёрный забор в коричневых пятнах успокаивал. Мальчишка не сможет его перемахнуть. А если у него есть друзья по другую сторону, если...

— Как зовут, гулёна?

— Надя.

— Надежда! Надежду у нас оставляет всяк сюда входящий, — парень хохотнул, я тоже выдохнула смешок. — А я Алишер.

Он протянул мне руку сквозь забор. Я застыла, а потом, когда поняла, что выгляжу по-идиотски, как напуганный олень, поспешно шагнула вперёд и сжала его ладонь. Краткий миг он крепко держал меня, не потрясывая кистью, как это обычно делают. Кожа у Алишера грубая, но сухая, как у толкового мастера. До этого руку мне пожимал в шутку только Витька, это было потно и стеснительно, вяло.

— Надя, — повторила я, чтобы что-то сказать.

— А ты не очень умна, Надя.

Ты же уже называлась. Двоечника?

Я потупилась и, наверное, нахмурилась.

— Да забей, прикалываюсь. А лет тебе сколько, ты в школе ещё или нет? Можно отвечать один раз.

— В одиннадцатый класс пойду, семнадцать.

— Мне тоже. Через год по миру пойду, — Алишер рассмеялся. Он вообще много улыбался и посмеивался. Типичная защитная реакция мнимого хулигана.

— И что, как там, в большом мире?

— В смысле?

— Если ты не убегаешь гулять куда-то ещё, можешь рассказать мне. Ну, про школу там, что в городе интересного делается. Раз не принесла пожрать, хоть гуглом поработаешь.

— А у вас тут... интернета нет?

— Есть, но там всякая дребедень. Нужно подтверждение от очевидца, — Алишер кивнул сам себе.

Я села как он, по-турецки, с другой стороны ограды и стала рассказывать ему какие-то глупости: об изменениях в системе ЕГЭ, о праздничном концерте на день города, о том, сколько собак развелось на Степановке. Он слушал внимательно, только иногда вставляя «Нормально, нормально» или «Хах!» В эту нашу встречу, вторую, он уже вёл себя гораздо дружелюбней, чем в первый раз. Позже, прокручивая в голове день, я осознала, что это, должно быть, его благодарность за то, что я вернулась. Что этим

самым выдавала: я думала о тебе, и мне интересно.

Наконец я исчерпала запас последних региональных новостей. Пару минут мы просто молчали. Стрекотали невидимые кузнечики, пробежал по голым коленкам ласковый ветер.

— Ууух, сука, твою ж... — со стороны корпусов горланисто закричали, мерзко загоготали. Я напряглась.

— Не переживай, Надя. Тебя они не тронут. Они вообще дальше курилки не ходят.

Я продолжала всматриваться. Различила несколько фигур, перебегающих от одной серой коробки к другой.

— Что... Почему ты тут и как вы живёте? — я почувствовала, что можно спросить. Алишер криво улыбнулся, будто взвешивал необходимость рассказывать мне горькую правду.

— Сама поди начиталась ужасов?

Я пожалала плечами: и да, и нет.

— Им нравится. Ужасы распускать. Хотя какое-то развлечение.

Алишер прикусил ноготь. Потом выдернул сухую травинку и вложил её между зубов.

— Пацаны всякое мелют, им хрен знаешь — верить или нет. Про себя скажу, что да, я плохое сделал. Но не настолько, как они думают. Всё из-за людей гораздо худших. Но это ж никому, сука, не втолкуешь.

Здесь я должна сказать, что Алишер говорил более грязно: мат, междометия, сленг. Но в отличие от других маргиналов, которых я встречала, для него

похабный язык был средством выражения серьёзных мыслей, а не украшением пустословия. Поэтому в моих воспоминаниях он ругается лишь иногда, стиснув зубы и глядя прямо перед собой, готовый изменить мир.

— А так... программы у нас тут всякие. И их всё время меняют. Вот как ЕГЭ. Его нам тоже сдавать, и у нас есть курс подготовки. Только мы его прогуливаем почти всегда, училка невероятно скучная. Как будто у нас есть шансы.

— Почему бы и нет...

— Потому что. Когда мне исполнится восемнадцать, меня поставят на «взрослый» учёт. Заставят выбрать, куда пойти. Не в универ, конечно, я всё завалю, а в какой-нибудь техникум. И будут проверять. Отчётность собирать. «Благонадёжность», вкупаешь?

— Ты уже выбрал, куда? Мой знакомый пошёл в училище связи и...

— Ага! — Алишер второй раз перебил меня. Видимо, я задела болевую точку, и он перестал быть добрым, снисходительным к моей наивности и пришлости. — Хрен им! Я... — он выгтащил из-за спины какую-то помесь отвёртки и ножа. Я вскочила на ноги.

— Етить, да успокойся! Это же напильник. Ещё и паршивый. Им и воробушка не порежешь. Времени много надо... Сядь, пожалуйста, не маячь. Сбегутся.

Оружие, как бабуины, незнакомые ребята пугали меня больше, чем Алишер с железкой, и я послушалась.

— Я показать хотел. Но ты никому, ясно?

Алишер склонился близко-близко к забору. От моего дыхания покачивалась прядка его чёрных волос, и я видела, как расширяются зрачки в тёмно-зелёных глазах цвета леса в грозу. Таким он мне и казался: созданием природы, застигнутым несправедливой, неожиданной бурей жизни. Сложно сказать, было ли это правдой или он убедил меня в этом.

— Вот это, — парень взвесил на руке напильник, — я и решил. Никаких техникумов, записей в журналы и каталоги. У меня в Москве есть двоюродный брат. Когда мои родители того, ему меня не отдали, потому что «неблагонадёжный». Но это всё по бумажкам. Топовый чувак. У него бизнес. И он меня в него возьмёт. А если меня определяют, запишут, проверять станут, туда-сюда... Какой мне бизнес? Нелегальное, оно ж везде есть. Я не могу Кемрану такую подставу подвезти. Если не драпану к нему до восемнадцати, нет туда дороги. А пока что на нас всем наплевать. Да и я тут недавно. Меньше других.

— А сколько тебе до восемнадцати? — мы вместе любовались, как напильник блестит на солнце. Потом Алишер спрятал его за спину.

— Мне семнадцать через пару недель. Я для тебя малявка, смешно, скажи? Получается пара недель и год.

— На самом деле мне тоже семнадцать через десять дней, — я смущённо потянула вниз ткань шорт.

— Когда?

— Четырнадцатого августа.

— А у меня шестнадцатого. Офигеть. Вместе отпраздновать можем. Да я шучу, кому я на хрен нужен. Будешь с семьёй, с друзьями. Как нормальные люди.

Я хотела спросить, как же он тут отмечает, и что вообще хорошего здесь случается, должно же что-то? Но он вдруг поднялся, начал перезастёгивать пуговицы на рубашке:

— У нас щас очередная лажа. Нужно идти, чтобы не потеряли. Беги к мамочке!

В этот раз его слова не звучали оскорблением. Он сказал это тихо, печально.

Алишер уже отвернулся. Я решилась:

— Хочешь, я приду в твой день рождения? Принесу еды. А то сегодня...

— Замётано. Часам к двум, — Алишер подмигнул через плечо и припустил к корпусам. Будто бы знал, что я спрошу. И совсем не удивился. В нём поразительно сменялись простодушная, ограниченная искренность и пронзительность выдавшего вида парня.

Я проследила за уменьшающимся и тающим в ярких лучах силуэтом. В очередной раз, выбираясь в оживлённый, успешный город, я размышляла, не примерещился ли мне оборванный мальчик, мечтающий о побеге из приюта для плохих, не успевших побыть хорошими.

Я могла бы рассказать красивую историю о том, как подарила Алишеру на день рождения свой первый поцелуй. Да, после второй встречи я стала представлять это:

невольно, как воображаешь купание, идя под раскалённым солнцем, или мысленно выбираешь булочку, приближаясь к пекарне. Хорошо, никаких больше отговорок и сравнений. Мама оказалась права: пора пришла. Просто в шестнадцать боишься, что, если взрослые что-то предсказывают, то ты проживаешь не уникальную жизнь.

Так вот, я, конечно, думала о том, нравлось ли я Алишеру как женщина. Намеренно ли он приближал лицо к железным прутьям, дыша на меня сигаретами и чем-то фруктовым: наверное, маскировал запах жвачкой. Пытался ли он заглянуть в вырез моей футболки. Но в дни рождения мы просто ели принесённые мной бургеры и болтали. О смутных образах Алишеровых родителей, о том, как папа пытался научить меня рыбачить, об одинаково глупых учителях — что в приюте, что в школе. Мы сидели каждый по свою сторону забора посреди ленно кольшущегося, всё больше жухнувшего августовского поля, и казалось, что вот два путника через вечность, встретившихся на границе вселенных. Нужно поведать друг другу о накопленном опыте, чтобы спастись от одиночества, не истаять бесследно под безразличием высокого белого солнца.

Наш первый поцелуй случился в последний день августа и знаменовал конец лета, иллюзий и детства. Я думаю, до того момента каждый из нас цеплялся за обрывки привычного, втайне надеялся никогда не повзрослеть,

не подвергнуться испытаниям, не разочаровываться и не умирать. Но мы, непохожие и абсолютно чужие, поцеловались, а значит, в мире возможно всякое, даже нестираемая боль, морщины и забвённость.

Я пришла тридцать первого августа, чтобы сказать, что впереди учебный год, и мы не сможем так часто видеться. Обменялись телефонами, страничками в соцсетях; пала интрига только личного общения. Тогда Алишер и спросил:

— Парень есть у тебя?

Не сразу, но я покачала головой.

— Вот и не заводи. Узнаю...

Иди сюда.

У меня из головы вылетели все фантазии и ожидания. Воздух и время загустели, всё двигалось невыносимо медленно. Я повиновалась. Я чувствовала его ладони, сжавшие мои локти, нагретый металл прутьев забора на щеках, сухость и одновременно влажность потрескавшихся губ Алишера. Длинное-длинное мгновение он мягко прихватывал ими то мою нижнюю, то верхнюю губу, а затем прямо у меня во рту оказалось нечто скользкое, подвижное, упругое — его язык. Наверное, Алишер понял, что я не знаю, как с ним обращаться, потому что отпустил меня, отстранился и улыбнулся.

— Обещаешь? — спросил он, мгновенно посерьёзнев. Зелёные глаза потемнели.

— Что? — от необычных ощущений я будто потеряла связь с телом или, наоборот, вселилась в другое.

— Не заводить парня.

Что могла шест... уже семнадцатилетняя я ответить человеку, чей язык только что был у меня во рту?

— Конечно.

Перед тем, как уйти к родителям, школе и старым друзьям, я протянула Алишеру руку. Он держал меня за новые пальцы, пальцы девушки, приобщившейся к магии поцелуя. Вряд ли для него это случилось впервые. Он рассказывал о женском корпусе на территории приюта и немного о прошлой жизни. И всё же Алишер смотрел на меня так же тоскливо, словно и для него ничто знакомое больше не будет прежним.

Так мы начали забывать, что если оба не могут быть счастливыми, один непременно предаст другого.

«Я хотел бы касаться тебя. Без этой дурацкой железки».

«У вас нет чего-нибудь вроде посещений?»

«Есть. Но для родственников и ещё всякой мишуры. К тому же, я не хочу, чтобы кто-то знал о тебе. И так догадываются».

«Мне кажется, в прошлый раз нас кто-то увидел».

«Да это пусть. Наши и сами получают «передачки». Пока я делюсь тем, что у меня есть, пацанам пофиг».

Мы с Алишером переписывались волнующими осенними вечерами. Воображение — странная штука, и я, зная, что он сейчас у себя в корпусе, на кровати (он скидывал замыленную фотографию), неизменно представляла нас парящими в пространстве возле забора.

Слишком уж вьелось в сознание это впечатление. Вот за моим окном в промозглой темноте воеет ветер, могильный, такой мог пронизывать несчастных влюблённых, решивших сброситься вместе с обрыва. И я видела себе, как в оглушительно свистящей ночи сквозь решётку Алишер вновь и вновь берёт мою руку и целует меня. Его искажённые неверным внутренним взором черты: слишком широкая улыбка, слишком пристальный взгляд. Этот образ и наши ласки сменяли друг друга резко, как в диафильме.

Так всё и шло до следующего лета. Я не верила, что можно пережить учебный год с экзаменами, родительскими понуканиями. Или тяжёлую, ватную, закупорившую город зиму. Пережить без Алишера. Меня ни на секунду не покидало ощущение, что он опасен, однако исходящая от него угроза со временем стала восприниматься как атрибут мужественности, честный и открытый. Если что, он укусит кого угодно, но не меня. А вот мир елейно лебезил с глянцевого проспекта университетов, лил медоточивые лозунги с рекламных плакатов, а на самом деле замышлял что-то недоброе. Ловушку для очередной маленькой мушки. И поэтому я, укутавшись в нелепые дачные одежды, натянув на тройные носки валенки, протоптала к нашему месту встречи дорожку. По пояс в снегу, сопливая, промёрзшая — такой Алишер увидел меня в первый день суровой метели. «Спасибо», — сказал он. Тогда Алишер впервые поблагодарил

меня. Никогда прежде он не делал этого, ни за еду, ни за нежные слова, ни за сигареты, ни за поцелуи. Лишь когда увидел, как ради него я сражаюсь с внешними силами, он, наверное, признал во мне «свою».

Алишер убеждал, что пережить можно всё. Казалось, у него всегда есть план, и рядом с ним, или когда он незримо в сообщениях на телефоне, жизнь казалась атмосферной компьютерной игрой. Любой уровень проходится.

Мама, разумеется, обратила внимание, как часто я пропадаю. Бесконечно врать про друзей невозможно. «Это Виктор? Доченька, нам нужно поговорить о... ты понимаешь?» Я, как и положено подростку, угрюмо качала головой, вскидывалась: «Ну маааам!» Должно было когда-нибудь терпение мамы и даже флегматичного папы иссякнуть. Всё произошло как раз накануне этого момента. Наступило лето, я отпраздновала выпускной — сидя в телефоне, описывая Алишеру своих одноклассников. По сравнению с ним они казались незрелыми, глупыми. Пустыми. Написала экзамены, и Алишер тоже.

— Скоро начнётся канитель. Придут представители, туда-сюда... ЕГЭ — это у нас так, для галочки, все понимают. На психу будут проверять, картинки показывать. Училки уже строчат отчёты, кто как себя вёл.

— Может, они напишут про тебя только хорошее? И тебя просто отпустят? — спросила я, держа Алишера за руку. Как бы мне хотелось хоть раз прижаться

к нему по-настоящему, без холодных рёбер забора.

— Конечно, напишут. Им лишь бы от нас избавиться. Но это не важно. На мне клеймо на всю жизнь.

Я молчала и вопросительно смотрела на Алишера. В который раз. Он только насмешливо покачал головой.

— Что было, то было. Зачем птичке знать, какие на свете бывают гадости? Я и сам бы хотел забыть.

— Значит...

— Значит, время сваливать. Я достаточно спилил забор, видишь, — он указал на прутья в метре от нас, расстояние между которыми стало значительно, значительно больше. В качестве предосторожности он с внутренней стороны прикрыл дыру невесть откуда припёртым пластиковым мусорным баком.

Я хотела проникнуть к нему хоть на секундочку, но Алишер запрещал. «Все уже давно поняли, что я тусуюсь здесь с девчонкой. Можно сказать, прикрытые. Я пацанам мозги вправил, но они всё равно иногда подсматривают. Да и учителя могут заметить, хотя они от греха подальше не суются. Если поймут, что есть лазейка, поднимут тревогу. Потерпи ещё немного, птичка».

Раньше мы почти не обсуждали идею Алишера в подробностях. Оттягивали.

— И ты бросишь меня?

— Здравсьте, глупая. Ты пойдёшь со мной. Если хочешь, конечно. Я не того самого, женщин ни к чему не принуждаю.

— И куда? Куда мы пойдём?

— Как и говорил, к брату в Москву. Ты, кстати, можешь поступить там куда-нибудь. Я буду оплачивать учёбу.

— Да моих баллов вряд ли хватит, — я нервно засмеялась. Наши ладони вспотели, но я не отпускала Алишера. Побег, другой город; каким безмятежным, успокаивающим казалось мне теперь поле, вечно маячивший пред глазами узор ржавчины на заборе, нестройный ряд хилых берёзок. Когда-то здесь для меня кончалась безопасность и начиналась территория враждебного, маргинального.

— Действовать нужно быстро. Говорю как Джеймс Бонд, нравится? — Алишер криво ухмыльнулся и изобразил, что выхватывает из кобуры пистолет, дунул на «дуло» — палец.

— Я не помню, кто девушка Бонда.

Алишер издал нечто среднее между смехом и криканьем.

— Их до хрена. Но не у меня. Здесь особо не разбежишься.

Слова Алишера меня задели, но не из-за ревности, а чувства вины. Я гуляла с несколькими парнями в этом году и с одним целовалась. Ничего серьёзного, и мысли мои всегда были с Алишером. Но я не удержалась от юношеского эксперимента. Алишер помог мне почувствовать себя женщиной, и теперь я пробовала приобретённые чары на других. Годы спустя я осознала, что и у него могли быть подруги из женского корпуса. Ни тогда, ни сейчас это не имело никакого значения.

Нас связывала слишком странная, торжественная и болезненная история. Все остальные были декорацией, двухмерной застывшей картинкой.

Всё произошло слишком быстро. Я ничего не успела понять, взвесить. Мой разум туманили мысли о том, что я смогу касаться Алишера как хочу и где хочу.

Кого я обманываю. Ну, помимо мечтаний о чувственной любви Алишера. Ведь я сама подгоняла его, утверждала: «Прорвёмся!» — и абсолютно никаких планов в моей голове не зародилось бы, даже будь у меня лишний месяц-два, и если бы меня заперли в пустой комнате. Целыми днями там крутились бы фантазии о праздновании дней рождения у Москвы-реки, нашем поначалу скромном, но уютном жилье, о поступлении в Институт искусств... Я будто специально выключила в себе умение здраво рассуждать. От страха. Я маскировала его в кастрюльке сознания приторно пахнущими соусами, но он, разумеется, протух — в самое неподходящее время.

Мы отправились в дорогу в начале июня. Я сгребла документы, несколько любимых безделушек: кружку от мамы, с кошками на ветке, созерцающими небо, флешку с памятными файлами, подставку под чайные пакетики в виде котёнка. И вот, с огромным рюкзаком полезных и не очень вещей за спиной, я в условленный тёмный час обнимала Алишера. По свою сторону забора. Как крепко сжимал он меня без

поганого частоккола между! Совершенно новая, порывистая и обволакивающая мощь прикосновений Алишера открылась мне в ту минуту. Она смела последнюю нерешительность.

Мы вышли к трассе и поймали попутку. Так и передвигались следующую пару дней.

На исходе второго двое приветливых, балагуристых парней катили нас вдаль.

— Влюблённые в бегах? — подмигнул тот, что открыл передо мной дверцу.

— Может, он и влюблён в меня. А я ещё не определилась, — хихикнула я и подмигнула в ответ. Адреналин и сменяющиеся персоналии окончательно развязали мне язык. Наверное, я хотела ощутить, что контролирую ситуацию. Алишер не заметил оскорбительной фразочки или сделал вид. Он сосредоточенно копался в телефоне, видимо, общаясь со «своим человеком». В Екатеринбурге нас должны были встретить и довезти до конечной точки какие-то там друзья. Парень за рулём пожал плечами, озорно поглядывая на меня: мол, дело житейское.

— В такую любой бы влюбился, — сказал он, увидев, что я не опускаю глаз.

— Полегче там, Казанова, — буркнул Алишер, не отрываясь от гаджета. Водитель на секунду поднял вверх руки, мол, виноват, сдаюсь. Но мы продолжали улыбаться друг другу: я, как бы давая прощение в обход Алишера, и он, как бы хулиганя.

Вскоре ребята остановились возле придорожной кафешки. Я к тому времени задремала от ухабистой дороги и нервного перенапряжения.

— Возьму тебе чего-нибудь, птичка, спи, — Алишер погладил меня по щеке и вышел из машины. С ним отправился один из наших благодетелей. Тот, что подмигивал, кинул ему:

— Только без кетчупа! Слышишь? Никакого кетчупа!

Хлопнули дверцы. Какое-то время мы сидели в тишине, нарушаемой жужжанием проносащихся по шоссе машин. Я почти провалилась обратно в сон, когда почувствовала на себе чьё-то дыхание.

— Птичка, значит? А побудешь кошечкой — для меня? Или собачкой? По-собачьи любишь?

Водитель в одно движение перебрался ко мне на заднее сиденье. Я, скованная слоями своих и Алишеровых кофт (начало июня выдалось холодное), нелепо, как оглушённое животное, дёрнулась в сторону.

— Не надо. Не трогай меня, — сказала я очень тихо. Голос сорвался, я сглотнула и продолжила уже громче: — Они сейчас вернутся. Ты не...

— Они могут присоединиться, если пожелают. Может, твой друг любит смотреть?

Оскал парня блестел в призрачном свете фонарей стоянки. Он зарылся лицом в мою шею, начал дышать глубоко и противно, влажно. Я завизжала. Насильник зажал мне рот ладонью, пахнувшей машинным маслом и колбасой.

Я брыкалась и мычала. Он взгромоздился сверху, одной рукой расстёгивал джинсы, а второй опирался на меня, невероятно больно сплющивая нос и вдавливая затылком в оконное стекло.

Вдруг позади завихрилась пурота, я рухнула навзничь. Алишер рывком поднял меня на ноги и заслони.

— Ты думаешь, я лох? Мало того, что твой дружок-пидорок грабануть хотел, ещё и девушку мою лапаешь? Ты совсем берега попутал, тварь.

В руках у Алишера блеснул маленький нож. Я судорожно ловила ртом воздух.

— Ты чё, сдурел?! — мой обидчик, сгорбившийся на четвереньках внутри машины, кинулся вперёд и стукнулся головой об крышу.

— Тихо, — Алишер огляделся. Пока что из кафе никто не заходил и не выходил, на полупустой стоянке лихорадочно трещали фонари. — Нормально всё с корешем твоим, полегит в толчке, очухается. Из машины, бегом.

— Пошёл ты... — выругался парень. Тогда Алишер подскочил, сгрёб его за воротник, резанул по горлу и выволок из машины. Тот заорал, прежде чем ткнуться макушкой об асфальт.

— Садись, садись! — Алишер через стонущего парня впихнул меня обратно в автомобиль, прыгнул на переднее сиденье, и через мгновение мы уже летели по дороге.

— Ты... ты его...

— Спокойно. Царапнул. Хотя лучше бы замочил. Этот урод не

заслуживает жить. Таких, как он, у нас били до кровавых соплей.

— Я... он...

— Всё в порядке, птичка. Я здесь. Всё хорошо.

Я не знала, глядит ли Алишер в зеркало заднего вида, не могла заставить себя посмотреть на него. «Птичка» резануло слух. Насильник испортил это интимное прозвище, обслюнявил его.

— Остановимся в мотеле, здесь есть неподалёку. Какое-то время пройдем пешком, машину придётся бросить. Поспим пару часов и найдём новую, ладно? И в этот раз я не отпущу тебя ни на шаг.

Как зомби, я наблюдала за Алишером, отгонявшим машину к лесополосе, и так же плелась до мотеля. Угрюмая тётка с серым лошадиным лицом взяла у нас деньги, записала имена из паспортов и проводила в комнату, где на выстроенных в ряд койках бесформенные туши храпели и ворочались.

Наскоро мы устроились на двух соседних местах. Как хорошо было бы лечь в обнимку с Алишером! Но он только клонул меня в щёку и, со скрипом промяв матрас, упал на кровать. Спустя минут десять послышалось ритмичное сопение.

Моё самообладание раскрылось от той мелочи, что Алишер уснул так умиротворённо. Он ведь обещал охранять! Что, если кто-то из этих неотёсанных путников захочет... Я нашарила в рюкзаке телефон, выскользнула в уборную. Серолицая тётка куда-то делась, и это тоже пугало.

Тело всё ещё зудело от воспоминаний о чужих грубых руках, и я вдруг поняла, как легко потерять личность, из любимой девушки, дочери, подруги вдруг оказаться бесплотным существом. Для мисс Лошадь, водителя попутки, постояльцев мотеля и почти всего остального мира я попросту ходячий организм. Я смотрела в зеркало над сколотой раковиной и видела пустые, глупые глаза, по-идиотски приоткрытые губы, взлохмаченные, посеченные волосы. Такую физиономию можно только презирать.

В горле разрастался ком. Я заперлась в кабинке, сползла по перегородке и стиснула лицо пальцами. Этот жест напомнил насильника. Я беззвучно заорала, отбросила собственные руки к коленям. Телефон стукнулся о холодный кафель.

Тогда я столкнулась с неприглядной, бездушной стороной жизни. Даже сейчас, спустя годы, когда стылый вечер застаёт меня в обшарпанной забегаловке или гостинице, я нутром чувую, что приму грязную и несуразную гибель среди забрызганных столешниц от одного из отморозков с запавшими глазами. Стоит приблизиться к мерному кипению города — и покой вновь клубком сворачивается внутрь.

Однако ради Алишера следовало взять себя в руки. Включить, наконец, мозги. Нужно было дожидаться, пока мы доберёмся до Екатеринбурга. Затеряться в толпе, оставить записку...

Но в ту секунду мне казалось,

что если я сейчас же не позвоню маме, если её ласковый, всепрощающий тёплый голос светлым куполом не накроет это унылое место, моё сердце разорвётся. Час назад я готова была отринуть прошлую жизнь. Теперь, грязная, жалкая, отвратительная сама себе, на полу возле унитаза, я жаждала, чтобы всё вернулось на круги своя, чтобы испытание реальностью закончилось. «Возьми, возьми трубку, умоляю, Господи, пусть она возьмёт, я не выдержу этого, не выдержу, не выдержу, я не смогу», — шептала я, съёжившись на корточках над надписью на экране: «Вызов идёт».

— Доченька? Где ты, что с тобой?

Я выдохнула и зарыдала по-настоящему. Сквозь всхлипывания я повторяла название мотеля и «мамочка, пожалуйста, приезжай за мной, приезжай». Помню забавную деталь: в углу сознания без конца вертелась стыдливая мысль: «Слышит ли мисс Лошадь?»

Мама с отцом ворвались в мотель с нарядом полиции.

Бугаи в погонах подняли зашпанных гостей. Люди, которых я боялась, выглядели помятыми и безвредными, как герои советских фильмов. Кроме Алишера — он глядел в пространство хладнокровно, запершись внутри себя. Только подрагивали веки над тёмными глазами. Робко возмущалась лошадолица хозяйка, папа постоянно хватал меня

за руку, полицейские, стараясь придать голосу немного участия, задавали мне вопросы. Я искала взгляд Алишера, чтобы передать ему сигнал: я не хотела, не сообразила...

Алишер посмотрел на меня только на закрытом слушании, где я была свидетелем. Я вошла в зал, готовая который раз поклясться, что парень защищал меня и не сделал ничего плохого. От вереницы дней, расспросов и заявлений мутило. Алишер сидел в застеклённой камере. Он так взглянул на меня, что на миг мы очутились в июньской ночи, его мозолистые руки вокруг моей талии облегчают вес рюкзака, пахнет табаком, сладко-горьким дымком бань, и впереди мятежное любовное паломничество.

Несмотря на мои показания, Алишеру дали полтора года за угон, угрозу причинения тяжкого вреда и что-то в этом духе. Смешно, но в мешанине терминов, скороговоркой зачитываемых судьёй, я опять упустила, в чём заключалась его прошлая судимость, почему он не получил условный срок.

Алишера увели. Я смотрела на узкую, сутуленную спину, кулаки в наручниках, лежащие на пояснице. Пройдёт как раз года полтора, прежде чем я смогу воскрешать в памяти весёлый, нахальный образ Алишера, как в первой части моего рассказа. А всё то время, отвечая на вопросы стеснительных сокурсников: «У тебя есть парень? Статуса ВК

вроде нет...», — я представляла зелёно-морскую, в цвет глаз, кофту и наполовину сжатые кулаки.

Мне не приходило писем. Страницы в соцсетях Алишер больше не посещал. Я гадала: ненавидит он меня или решил, что мне неинтересно? Спустя два года удалось отрыть информацию, что он отсидел положенное и был отпущен.

С тех пор — ничего. Плохой знак, если в наше время о человеке нет данных в интернете, не правда ли? Но я надеюсь, что я просто не очень сметливый пользователь. Попросить знакомых или, тем более, мужа разузнать — страшно.

Впрочем, я стала бояться куда меньше. Спасла из-под машины кошечку, проказница каждое утро охотится за моими ногами, если неплотно укрыться. Прошла курс истязающего лечения мочевого пузыря. Послала к чёрту бывшего начальника. Взяла на себя организацию похорон свекрови. Я словно бы компенсирую одну-единственную оплошность, в которой виню себя: невольное предательство Алишера. Совершая звонок, я рассчитывала, что просто уеду домой, всё расскажу маме, подам документы в Москву и перееду к Алишеру потом, когда он обоснуется... Зря он поверил, что я достаточно взрослая и смелая.

Однажды в аэропорту Москвы, ожидая сына с мужем из туалета, я следила, не ломанулась ли на посадку «наша» толпа. Мы пересаживались с рейса на рейс по дороге в отпуск. Вдруг у стойки регистрации я увидела смутно знакомый профиль. Нос с горбинкой, высокий лоб, чёрные непослушные волосы, глаза цвета тропической растительности. Мелькнул тёмно-синий деловой костюм.

— Мама, мы всё! — радостно возвестил Алёша, вперёд папы протиснувшись ко мне. Муж в подтверждение развёл руками.

Я кивнула и обратила взор обратно к стойкам, но мужчины нигде не было. Зато, гремя чемоданами, безжалостно распахивая зазевавшихся, потянулись к выходу на посадку пассажиры.

И лишь на секунду я вдруг вспомнила, что сказал мне Алишер, когда мы голосовали на трассе, взведённые, бесстрашные, страстные: «Если потеряемся, я всегда вернусь за тобой».

Может, он всё-таки добрался до Москвы. Может, и он жалеет, что мы были обречены пролететь мимо друг друга, как долгопериодическая комета и звезда. Или не были...

Мы так долго ждали, что один из нас предаст другого, что успели в это поверить.